

МЕНТАЛЬНОСТИ (МЕНТАЛИТЕТ)

Добавил(а) Социология
06.05.13 14:57 -

МЕНТАЛЬНОСТИ (МЕНТАЛИТЕТ)

МЕНТАЛЬНОСТИ (МЕНТАЛИТЕТ) – (от лат. *mens, mentis* – ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) – совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Как любой социальный феномен, ментальности исторически изменчивы, но изменения в них происходят очень медленно.

Социальный психолог видит в ментальностях (менталитете) взаимосвязанные психологические реакции, представления и качества, несущие в себе остатки опыта предыдущих поколений, «самопонимание групп» (Ю.Митке) как синтез сознания и коллективного бессознательного.

Социальный историк считает ментальностями обобщенный способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать, характерную для людей определенной эпохи.

Социолингвист считает ментальностью семантическую матрицу, предопределяющую смысловые реакции культурных субъектов. С точки зрения лингвистики, в изучении ментальностей важно подчеркивать роль языка, моделирующую сознание.

Общей характерной чертой ментальностей – в отличие от доктрин и идеологических конструкций, представляющих собой законченные и продуманные системы, – является их открытость, незавершенность, континуальность, диффузная природа, «разлитость» в культуре и обыденном сознании. Ментальности выражают не столько индивидуальные установки каждого из людей, сколько внеличную сторону общественного сознания. Субъектом ментальностей является не индивид, а социум. Они проявляются в словесном языке (вербальной культуре общества) и языке жестов, в поведении, обычаях, традициях и верованиях.

Понятие ментального позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полусознанными культурными шифрами. Ментальное связывает многочисленные оппозиции – природного и культурного, эмоционального и

рассудочного, иррационального и рационального, индивидуального и общественного. Особенно продуктивно понятие ментальностей используется для анализа архаических структур и давно ушедшего времени с характерными для него формами мифологического мировосприятия.

В современном гуманитарном знании понятие ментальностей приобрело расширительный смысл и употребляется не только для обозначения тех или иных культурных стереотипов, типичных для больших социальных групп или характеристики духовной настроенности всего общества, но и для толкования образа мыслей, верований, «навыков духа» небольшой группы людей.

Большинство представителей отечественной гуманитарной науки склонны употреблять дефиниции «ментальностей» и «менталитета» как синонимичные, хотя в целом их синонимичное или раздельное использование не устоялось. Социолингвисты представляют эти два термина как несовпадающие. С их точки зрения, понятие «ментальность» должно пониматься как «базовая характеристика системы психологической репрезентации опыта в сознании людей исторически определенной лингвокультурной общности, фиксирующая *функционально-динамические* аспекты этого опыта», тогда как более употребительное слово «менталитет» обозначает *содержательные* его стороны. Некоторые из ученых, не склонных ставить знак равенства между понятиями «ментальностей» и «менталитета», считают, что последний имеет более общее, в известном смысле – общечеловеческое значение («менталитет средневековья»), а термин «ментальности» соотносим с понятиями «мышление» или «чувство» (напр., французская или русская ментальность, ментальность дворянина, ментальность личности и т.д.) (Л.Н.Пушкарев). Наконец, еще одна точка зрения сводится к рассмотрению разных ментальностей (религиозной, этической и т.д.) как частей менталитета (М.М.Громыко).

История появления термина.

Термин «ментальности» использовался еще в XIX в. американским философом и поэтом Р. Эмерсоном (1803-1882), пытавшимся связать воедино метафизические и психологические проблемы общественных настроений. Понятие «коллективных ментальностей» использовалось также французским политиком и историком А. де Токвилем, автором книги *Демократия в Америке* (1835), стремившемся отыскать первопричины предрассудков, привычек и пристрастий, распространенных в описываемом им американском обществе.

В научный оборот термин «ментальности» был введен французским этнологом и социо-антропологом Л. Леви-Брюлем (1857-1939), изучавшим дологическое мышление и «коллективные представления» (или «ментальности») так наз. «примитивных народов». Характерной чертой ментальностей Л. Леви-Брюль считал необъяснимость с помощью обычной логики и здравого смысла, «мистичность» (подчеркиваемую также «отцом социологии» Э. Дюркгеймом), сопричастность всех ко всеобщим верованиям или заблуждениям (т. наз. «закон сопричастия», *loi de participation*). Он первым подчеркнул сложность попыток постичь коллективную жизнь бесписьменных народов, исходя из современных понятий.

Философское понимание понятия «ментальностей» связывают с именем немецкого мыслителя-неокантианца Э. Кассирера (1874-1945). Он вкладывал в понятие «менталитета» примерно то же содержание, что и Л. Леви-Брюль, подчеркивая, что виды менталитетов можно систематизировать по способам восприятия окружающего мира, в особенности, как он полагал, природы.

Психоаналитическая и социопсихологическая исследовательская *традиция*, в рамках которой родилась психоистория, склонна была представлять ментальности аналогом и синонимом «социального характера». Социолог-неофрейдист Э. Фромм (1900-1980) в работе *Бегст во от свободы* (1941) употреблял понятие «социального характера», считая его синонимичным понятию коллективных представлений или ментальностей. Французский психолог Г. Бутуль полагал, что ментальности – как совокупность идей и интеллектуальных установок – находится между человеком и воспринимаемым им миром «как призма» (*Ментальности*, 1952).

В середине и второй половине 20 в. понятие ментальностей активно использовалось в философских системах феноменологов и структуралистов, введших в языковую норму термин «эпистема» (система познания и умственная картина мира), близкого по содержанию к понятию «ментальностей».

Основы *социально-исторического* рассмотрения ментальностей заложены французской исторической школой. Именно она заставила начать скрупулезную разработку истории понятий, формирующих жизнь людей в обществе и доказывая, что их изменчивое содержание составляет неотделимую часть культуры.

Согласно видению перспектив воссоздания ушедших столетий «новой исторической наукой», один из ее основателей, Л.Февр, полагал, что историку по силам не столько реконструкция объективного мира (раз и навсегда ушедшего!), сколько воссоздание миропредставления и умонастроений (ментальностей) людей изучаемой им эпохи, т.е. их субъективных оценок мира со всеми важными для них реальностями, включая богов, демонов и пр. Л. Февр, основавший вместе с М. Блоком школу «Анналов», усматривал в коллективных ментальностях не столько биологические, сколько социальные основания, природу и детерминанты. Видя в них процессы «вторичной перекодировки» картины мира с помощью знаковых систем, Л. Февр и М. Блок первыми показали возможности расшифровки этих семиотических воплощений: «Историк должен стремиться к тому, чтобы обнаружить те мыслительные процедуры, способы мировосприятия, привычки сознания, которые были присущи людям данной эпохи и о которых эти люди могли и не отдавать себе ясного отчета, применяя их как бы „автоматически“, не рассуждая о них, а потому и не подвергая их критике», – отмечал М. Блок в одной из своих работ.

Таким образом, французские историки, стоявшие у истоков изучения «истории ментальностей» как самостоятельного направления, поместили «ментальное» между осознанным, очевидно структурированным, отрефлексированным (то есть формами общественного сознания – религией, идеологией, моралью, эстетикой и т.д.) и неосознаваемым (бессознательным) в коллективной, а отчасти – и в индивидуальной психике людей. Важнейшей, конструирующей ментальности, сферой является «сфера представлений о человеке» (Р.Шпрандель).

История ментальностей (менталитета)

– область изучения прошлого, неотъемлемая часть «новой социальной истории» как истории социально-культурной. Оформилась в самостоятельное направление в 1960-е вначале в западном, а затем во всем европейском гуманитарном знании в рамках так наз. «историко-антропологического поворота» – интереса к человеку, его представлениям и образу жизни. Упрочение позиций истории ментальностей именно в десятилетие «ниспровержения основ» и вызревания студенческой революции 1968 (движения «новых левых») связано с попытками переориентировать науки о прошлом с «истории героев» (правителей, мыслителей, пролководцев, дипломатов) на «историю рядовых людей». В центр научных трудов были поставлены воззрения народа, эмоции и мысли обычных, в том числе – «простых людей», анализ движущих механизмов их социального поведения (Э.Леруа Лядюри во Франции, Х.Медик, А.Людтке в Германии).

Вслед за Л.Февром и М.Блоком, их продолжатели, сгруппировавшиеся вокруг журнала

«Анналы», заставили потесниться «историю высказываний» философов и политиков, правителей и военачальников, выдвинув на первый план «историю потаенных мыслительных структур», присущих всем или большинству членов общества, анализ идей, не контролируемых их носителями и действующих помимо их воли и намерений.

Помимо социальной психологии, сильный импульс рождению истории ментальностей дала структурная антропология, позволившая представить общество как всеобъемлющую систему отношений «от подвала до чердака» (М.Вовель). Увидев в реконструкции «ментального» элемент воссоздания истории в ее целостности, младший современник Л.Февра и М.Блока Ф.Бродель, предложил анализировать два уровня «структур» в жизни любого общества: структуры жизни материальной и нематериальной, охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Второй уровень был назван им «структурами повседневности». Именно в них, полагал Ф.Бродель, формировались ценности и символы веры человека определенной эпохи, поэтому понять мотивы поведения людей, семиотические воплощения их картины мира (образы, представления, привычки, ощущения, предугадывания и т.д.) – значит понять саму эпоху, само время, разобраться во взаимодействии разных сторон жизни общества, от бытовых деталей до политических пристрастий, от первейших материальных интересов до аналитической работы человеческого ума.

Одновременно с появлением первых исследований по «истории ментальностей» во Франции, в России шло развитие т. наз. «школы семиотики» – науки о знаковых системах или тартусской школы (Ю.М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров). Выросшая из лингвистики и начавшая экспансию в иные гуманитарные науки, в том числе и истории, эта школа позволила сформироваться новым подходам к исследованию прошлого, всех сфер человеческой деятельности, которые последователи этой школы предложили рассматривать как тексты и знаки, подлежащие расшифровке. Еще одно российское направление в исследовании ментальных процессов было намечено вышедшими в то же время (1960-е) работами М.М.Бахтина, показавшего перспективность изучения потаенных пластов общественного сознания, тесно связанных с повседневной жизнью людей (напр., «карнавальная смеховая культура», характерной для средневековья) и игнорировавшихся предшествующей наукой.

Идейное объединение Школы семиотики, направления М.М.Бахтина в литературоведении и наработок историков ментальностей (во Франции и, десятилетием позже, в Германии) могли бы стать прорывом в новом понимании исторической реальности. Однако «железный занавес» между СССР и Западом, жесткие идеологические и политические барьеры, отделившие российских гуманитариев от новых тенденций развития мировой науки, помешали объединению и обрекли историков в СССР на отставание, которое они пытаются преодолеть лишь в последнее

десятилетие.

Предмет истории

ментальностей – реконструкция способов поведения, выражения и умолчания, которые передают общественное миропонимание и мирочувствование; способы и содержание мышления; представления и образы, мифы и ценности, признаваемые отдельными группами или обществом в целом. В отличие от истории повседневности, которую интересует, помимо «времени стабильности», еще и «краткое», «нервное» время конкретных событий, а также в отличие от психологии, также сосредотачивающей свое внимание на легко изменчивых состояниях психики, – история ментальностей ставит в центр исследовательского внимания изучение всего постоянного (социально-психологических констант), медленных, подспудных изменений, растянутых во времени очень большой протяженности (*la longue durée*). Историков ментальностей интересуют в общем спектре социальных времен «времена большой длительности» как консервирующие самое типичное в психологии и поведении, то, что заложено в сознание людей их воспитанием, культурой, языком, религией и делает заметными изменения лишь при рассмотрении больших хронологических отрезков истории.

Круг тем и проблем «историка ментальностей» – это восприятие географической среды, отношения к природе, пространства и времени в самом широком смысле, позволяющее понять восприятие людьми того времени самой истории – ее поступательного развития или ее «круговой» повторяемости, регресса, статики, движения. Он включает также весь спектр проблем, связанных с системой верований, отношениями мира земного и мира потустороннего, восприятием и переживанием смерти, разграничением естественного и сверхестественного, духовного и материального. В некоторых аспектах историки ментальностей близки специалистам по истории повседневности – когда изучают установки людей, касающиеся восприятия труда в доме и вне дома, брака, сексуальной культуры, воспитания детей и отношения к ним, гендерных стереотипов, болезней, уродств, инвалидности, старости, семьи, когда исследуют ориентацию на новое или на традиционное. Через историю ментальностей в «новую социальную историю» вернулось изучение права, которое Ж.Ле Гофф называл «пугалом историка» – но это не традиционное описание норм и предписаний, а реконструкция их восприятия рядовыми людьми в праве писаном и обычном, воссоздание правосознания определенной эпохи. В центре внимания историка ментальностей всегда присутствуют и социально-политические аспекты духовной жизни и коллективных умонастроений людей – их оценка общества и его составляющих, понимание соотношения целого и отдельного, индивидуального и общественного, степени самостоятельности личности в социуме или включенности, зависимости от него, отношение к труду, собственности, бедности и богатству, власти, господству и подчинению, понимание свободы, воли, доступ к хранению и распространению информации.

Цель

историка повседневности – изучение картины мира людей с точки зрения их собственного восприятия. Однако современному историку приходится использовать для этого сложившийся к настоящему времени понятийный аппарат, теоретические схемы и модели и постоянно сопоставлять различия в содержании устоявшихся и лишь кажущихся неизменными понятий. Постоянное сопоставление «внешней» точки зрения, обусловленной современной системой знаний, – с «внутренней», присущей людям изучаемой эпохи, создает ситуацию нового видения истории, т. наз. «стереоскопического видения» (А.Я.Гуревич). Это позволяет сохранять принцип историзма и избегать переноса в изучаемую эпоху современных представлений.

К *источникам*, отразившим потаенные мыслительные структуры и комплексы коллективных представлений (неосознанных, неотрефлексированных) – можно отнести «все, созданное человеком и сохранившее в себе духовную сущность своего творца» (П.Динцельбахер). Поэтому практически все виды и типы источников, как письменных, так и фольклорных, этнографических, археологических, нумизматических и т.п. могут быть привлечены к исследованию. Однако большее значение имеют материалы личного происхождения – завещания, дневники, письма, мемуары, автобиографии, художественные произведения, отобразившие мирозерцание своих авторов. Для исследователей ментальностей недавнего прошлого огромное значение имеет «устная история» (оформившаяся в отдельное направление также в 1960-е) – интервью всех видов (нарративных, полуструктурированных, биографических, лейтмотивных, фокусированных и проч.). «Устные истории», собранные историком ментальностей, из обычной в традиционном исследовании коллекции фактов, превращаются в новый вид эмпирического материала, структурированный по темам и хронологии т. наз. «вторичный источник».

Методы изучения

ментальностей очень разнообразны. Поскольку ментальности – это «нечто невыразимое, что нельзя выписать из текста источника и что может быть лишь выявлено исследователем из высказанных автором исследуемого текста мнений и суждений» (Ф. Граус) – постольку историк вынужден пользоваться не только историческими, но и многими иными приемами и методами – психологическими, этнологическими.

Поскольку рядовые люди далекого прошлого практически не оставили каких-либо его-документов (источников личного происхождения – писем, дневников,

воспоминаний), постольку историку приходится анализировать весь круг источников, которые могли отобразить их образ мыслей и систему ценностей. Ему приходится задавать источникам, запечатлевшим высказывания или оценки этих рядовых людей, вопросы, которые обычно задают этнологи, работающие с живыми респондентами. Этот метод получил название «историко-этнографического».

Ряд аналитических приемов история ментальностей заимствовала из семиотики, выработавшей способы понимания чужой культуры путем поиска и анализа символических (семиотических) форм – слов, образов, институтов, поступков, посредством которых люди в определенных обстоятельствах представляли себя самим и другим людям. Исследователю ментальностей приходится истолковывать смыслы и символы, связанные с предметным миром и миром явлений через мир близкой к опыту реальности людей прошлого – мир повседневности, обычной речи, привычных поступков (Ю.М. Лотман). В последнее время одним из путей исследований истории ментальностей стал анализ дискурсивных практик (прежде всего – господствующих дискурсов), под которыми понимаются «практики речевого поведения» (М. Фуко) – то есть способов, правил, логики обсуждения чего-либо вербальным и невербальным (языком поступков и жестов) путем.

Уровни изучения

ментальностей зависят от постановки исследовательских задач и анализируемого поля взаимодействия социальных объектов. Широко, цивилизационно мыслящие культурологи склонны ставить задачи изучения общего ментального «фона» каждой эпохи (Й. Хейзинга, Ф. Арьес, Ж. Ле Гофф, в России – М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич). С другой стороны, последователи Ф.Броделя во Франции и Г.Телленбаха в Германии показали возможности анализа ментальностей и отдельных социальных страт (например, Ж. Дюби, описывавший характерные черты поведения французской элиты, от рыцарей до священников, Э. Леруа Лядюри, сосредоточивший свое внимание на умонастроениях крестьян в деревне XIII в. или Ю. Митке, изучавший менталитет средневековых нищенствующих орденов). Свои подходы и уровни в изучении ментальностей предлагают также современные этнологи и этнопсихологи, реконструирующие историю складывания национальных характеров и национальных культур (Э. Стефаненко). Особое место в изучении истории ментальностей занимают специалисты в области гендерных исследований и близкая к ним феминистская историография, настаивающая на различиях мужского и женского менталитета, мужской и женской системы ценностей, способов восприятия мира, фиксации запечатлевшегося в памяти (О. Хафтон, Э.Г. Дэвис, Т. де Лауретис, Д. Рейли, в России – Н.Л. Пушкарева, С.Г. Айвазова, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина).

Значение «истории ментальностей» в науке определяется стремлением сломать невидимый барьер, разделяющий социально-экономическую или политическую историю и историю духовной жизни, объединить развивающиеся автономно исторические дисциплины, проникнув в глубины духовной жизни людей прошлого. Возникшая как «испытательный полигон» новых исследовательских практик медиевистов и специалистов по западноевропейской истории раннего Нового времени, история ментальностей быстро нашла себе место и в исследованиях более поздних эпох и способствовала написанию и их истории как неразрывного единства материальной и духовной жизни, общества и культуры. Длительность сохранения интереса к исследовательскому направлению «истории ментальностей» объясняется широкими возможностями научного синтеза, объединения результатов исследовательского анализа и приемов работы разных гуманитарных дисциплин – истории, этнологии, психологии и этологии, лингвистики, культурологии, семиотики, литературоведения, географии, экологии.

Лев Пушкарев, Наталья Пушкарева

Литература

Duby G. L'Histoire des mentalités // L'Histoire et ses methodes. Paris, 1961.

Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989

Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? // Отечественная история. 1995, № 3.

Ментальности: двусмысленная история // История ментальностей и историческая антропология. Зарубежн. исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.

Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999

МЕНТАЛЬНОСТИ (МЕНТАЛИТЕТ)

Добавил(а) Социология
06.05.13 14:57 -
